

К ЮБИЛЕЮ Ю.В. МАННА

Мне всегда трудно писать от «общего лица», хотя в данном случае требуется, видимо, именно это. В то же время я не принадлежу ни к ученикам Ю.В. Манна, ни к лично близким ему людям. Могу искренне сказать – к сожалению.

Учиться у Юрия Владимировича буквально мне не пришлось, хотя теоретически это было вполне возможно: все-таки разница в возрасте – целых 11 лет. В другом же смысле я у него учился и продолжаю делать это много лет – с тех пор, как начал читать его статьи и книги. Это произошло ближе к середине 60-х годов прошлого века. Что же касается моего личного отношения, то я его уже однажды выразил – в предисловии к первому сборнику статей «Поэтика русской литературы». В рукописи это предисловие называлось «Чеховский классик».

Юрий Владимирович – человек, в сущности, глубоко (и хочется сказать, непоправимо) неофициальный. Думаю, именно поэтому некоторые самоочевидные вещи все еще остаются официально не признанными. Вклад его в науку: в изучение истории русской классической литературы в целом и в особенности романтизма и творчества Гоголя, а также русской критики первой половины XIX века и философской эстетики как ее основы – просто не с чем сравнивать. В этой области никто – ни до него, ни теперь – столько не сделал. Тот факт, что, несмотря на это очевидное обстоятельство, ученый так и не стал хотя бы членкором – одно из ярких свидетельств метаморфозы, которую претерпела российская Академия наук за годы советской власти. Эта замечательная общественная система действительно создала ученых нового типа (вспомним хотя бы академика Храпченко) и выстроила для их сбережения стены, в которых, правда, в постперестроечное время удалось пробить несколько брешей: стали ведь акаде-

миками Аверинцев, Гаспаров и Топоров. Но все-таки крепость благополучно выдержала ветер перемен.

Особенно значимы, мне кажется, исследования ученого о *поэтике* русской литературы XIX века. В этом отношении они стоят в одном ряду с работами Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана и С.С. Аверинцева, посвященными по большей части другим эпохам (отчасти и другим литературам). Да и написаны эти исследования на том же уровне, который нельзя назвать иначе, как высший. Все это образцы подлинной гуманитарной науки, которую интересуют искусство и истина, но не демонстрация своей причастности к той или иной идеологии – господствовавшей тогда, либо стремящейся к господству теперь, – а также к той или иной научной организации, школе и т.п.

Но есть одна особенность, заметно отличающая работы Юрия Владимировича от научных поисков названных его знаменитых современников. Это преимущественный интерес к поэтике гротеска, к фантастическому. Зато такое их направление (сам ученый всегда это сознавал) совпадает с основной направленностью литературоведческих исследований М.М. Бахтина.

Место Ю.В. Манна – среди тех весьма немногих ученых, для которых самое тщательное фактографическое изучение литературы никогда не отрывалось от ее теоретического осмысления, от проблем повествования и жанра, героя и автора.

К сказанному необходимо добавить, что труды Ю.В. Манна – помимо их сугубо научной значимости – всегда привлекали и продолжают привлекать читателя своей полной неангажированностью и еще более редкой, особенно в нынешние постмодернистские времена, подлинной интеллигентностью. Спасибо ему за все это, и дай ему Бог здоровья!

Н.Д. Тамарченко